

Алексей Митрофанов
СМОЛЕНСК

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

Смоленск. Городские прогулки

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Смоленск. Городские прогулки / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905441-8

Смоленск привлекателен не только для отечественных путешественников, но и для зарубежных. И, как следствие этого — сувенирные лавочки, уютные кафе, посещаемые, не одичавшие без посетителей, музеи, вежливые таксисты, да и просто любезные люди на каждом шагу.

ISBN 978-5-44-905441-8

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Смоленск

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-5441-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смоленск – город западный. Через него проходят поезда, автомобили и автобусы, следующие в Белоруссию и дальше – вплоть до западных берегов пресловутой старушки Европы.

В этом плане Смоленску, можно сказать, повезло. Город привлекателен не только для отечественных путешественников, но и для зарубежных. И, как следствие этого – сувенирные лавочки, уютные кафе, посещаемые, не одичавшие без посетителей, музеи, вежливые таксисты, да и просто любезные люди на каждом шагу.

С другой стороны, близость к западным странам хороша только в мирное время. А когда наступает война, цивилизованные и улыбочивые европейцы превращаются в беспощадных, коварных и бездушных врагов. И отражается это не на Москве, а, в первую очередь, на Смоленске. Смутное время, нашествие Наполеона, Великая Отечественная война – для Смоленска это годы неописуемых кошмаров.

Но после что-то опять меняется, и бывшие враги вновь превращаются в носителей цивилизации.

Все это выработало у жителей города особый, смоленский характер. Смолянин не боится неожиданностей. Он ко всему готов. Его не выбьешь из седла, он не поведется на сладкие слова или щедрые посулы. Зато и неожиданной агрессией его обескуражить невозможно.

В большинстве же своем жители Смоленска – люди спокойные, доброжелательные и мудрые. И если путешественник будет к ним относиться точно так же, – мудро и спокойно, – то о пребывании в Смоленске у него останутся лишь самые хорошие воспоминания. Тем более, что посмотреть здесь есть что.

Большая Советская улица

Первое упоминание о Смоленске относится к 863 году, а спустя пару десятилетий он становится одним из городов Киевской Руси.

В 882 году Олег выступил военным походом на Смоленск и, по словам летописца, «принял власть в городе» (практически без боя, поскольку в войске Олега было немало кривичей – смоленских «земляков»). Отсюда он направился в Киев и там, на месте, выяснил, что городом правят некие Аскольд и Дир. Олег спрятал в ладьях часть своего войска, другую часть вообще оставил в арьергарде и послал Аскольду и Диру гонца с вестью: «Мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря (сына известного Рюрика). Придите к нам, к родичам своим».

Аскольд и Дир поддались на провокацию и, в результате, были убиты, а Олег принялся княжествовать в Киеве. Тогда же он произнес фразу, дошедшую до наших дней: «Да будет [Киев] матерью городам русских» и перенес княжескую резиденцию из Новгорода в Киев.

Не будь Аскольд и Дир столь простодушны, ничего у Олега не вышло бы – его войска были гораздо меньше войск противника. А, соответственно, если бы не события в Смоленске – похода и вовсе могло бы не быть.

Но запад есть запад. Враг не дремлет, враг рядом. В 1401 году Смоленск выдержал двухмесячную осаду литовских войск, но в 1404-м все-таки вошел в состав Великого княжества Литовского. В 1440 году в городе состоялось крупное восстание, известное как Великая замятня, а в 1514-м город присоединился к Государству Московскому.

Путешественник С. Герберштейн писал в 1557 году: «Смоленск, епископский город, расположенный при реке Борисфене, имеет на более отдаленном берегу реки к востоку крепость, выстроенную из дуба, которая заключает в себе очень много домов наподобие города. Эта крепость там, где она простирается в направлении к холму (ибо с другой стороны она омывается Борисфеном) укреплена рвами и, сверх того, острыми кольями, которыми отражается набег врагов... Город расположен в долине, вокруг которой находятся плодоносные холмы, и окружен обширнейшими лесами, из которых в большом количестве добываются различные меха. Каменный храм в крепости посвящен Пресвятой Деве, другие же здания деревянные, в городских предместьях заметны многочисленные развалины монастырей, выстроенных из камня».

То есть, к тому моменту у Смоленска была слава европейская. И не понять – к добру ли, к худу?

В 1611 году Смоленск отходит к Польше. В 1667 году он опять становится российским городом. В 1812 году Смоленск снова захвачен – на сей раз французами и всего лишь на несколько месяцев. Несколько дольше он был занят немецко-фашистскими захватчиками – с 1941 по 1943 годы.

С освобождением Смоленска беды не закончились. Военкор Е. Воробьев писал о городе в 1943 году: «Отступая, немцы взорвали или сожгли много домов – среди них почти все здания, которые по праву считались украшением города: Дом Советов, Дом штаба Белорусского военного округа, Дом печати, Дом Красной Армии.

Но некоторые большие здания были подозрительно целехоньки, и саперы капитана Савченко отправились на опаснейшую охоту за минами. Василий Петраков и Иван Кузнецов нашли в подвалах домов и цехах льнокомбината больше двадцати авиационных бомб, каждая весом в четверть тонны. Фашисты не успели использовать эти бомбы по прямому назначению и снарядили их как мины затяжного действия. На перекрестке дорог, около Базарной площади, извлекли мину замедленного действия. Она должна была взорваться через 21 сутки, – может быть, в ту минуту на улице будут безмятежно играть дети».

И даже в 1946 году поэт Твардовский сокрушался: «Смоленск в своей суровой и печальной красе города – страдальца и воина, как будто постаревшего на сотни лет и снова из глубины веков несущего на себе это выражение суровости и печали, свидетельство пережитых испытаний. Ему действительно не в новинку и выгорать дотла, и быть опустошенным, стоя на этом исконном пути иноземных нашествий, устремлявшихся на Москву и Россию. Но все то уже смягчено было давностью, и для людей, живших в нем перед немецким нападением, он со своей Стеной не был только памятником, внушающим неизменно ощущение древнего времени, бывалых бедствий и славы. Он был просто городом, жилым домом, а не музеем. И тем внушительнее теперь его облик, как бы возвращающий нас ко временам польской осады или наполеоновского вторжения – событиям, запечатленным на камнях той же Стены, которая перестояла и немецкие бомбардировки.

Очень трудно передать то волнение, с каким человек приближается к городу, который был ему городом за все города, в котором он жил, учился, начинал думать о жизни широко и смело, как думается о жизни в юности. Такое чувство, как будто боишься узнать о чем-либо очень печальном или ждешь большой радости, которая должна вот-вот наступить... Часы! Знаменитые смоленские Часы на углу Советской и Пушкинской, – главном перекрестке города, – пункт, по которому определялись все направления и расстояния в городе: «от Часов», «пройдя Часы», «не доходя до Часов». От них осталась одна заржавевшая металлическая оправа с заколоченным циферблатом».

Впрочем, со временем жизнь в городе наладилась. А в 1985 году Смоленску, наконец, присвоено звание Города-героя. Формально – только за Великую Отечественную. Но, по справедливости, за все, что было пережито этим городом. И вправду героическим.

* * *

Прогулка же по городу Смоленску – дело необычное. Как правило, если в старинном русском городе и сохранился старый кремль, то занимает он совсем немного места, обойти его можно за пять минут, а на ночь его иногда закрывают. Не удивительно, что жизнь такого города сосредоточена вокруг кремля, а не внутри.

В Смоленске все иначе. Практически весь здешний центр огорожен крепостной стеной. Разве что немногие из достопримечательностей располагаются вовне, да и то в непосредственной близости от древнего укрепления. И где бы путешественник не находился, практически везде над ним нависает какая-нибудь башенка или же просто часть стены.

* * *

Главная улица города – Большая Советская. Но начинается первая часть нашей прогулки все же у вокзала – главного транспортного узла Смоленска.

Нынешнее здание вокзала было построено в 1951 году, а железнодорожное движение здесь началось почти столетием раньше – в 1868-м.

Правда, церемония открытия оказалась несколько смазанной. Газеты писали: «8-го октября в 3 часа пополудни... прибыл Его Преосвященство Иоанн с несколькими лицами из белого духовенства... В то же время явились местные власти и почетные граждане; многочисленная толпа собралась заблаговременно. Погода как нельзя больше благоприятствовала этому случаю: день был светлый и довольно теплый. Но ожидаемый поезд из Витебска прибыл не раньше половины 5-го часа. Немедленно по прибытии его Преосвященный с прочим духовенством совершил молебствование и окропил святой водой как здание станции, так и вагоны... Затем, по заведенному обычаю, избранные лица щедро угощены были хлебом и солью в зале дворянского собрания. Остальная масса жителей ждала с наступлением ночи увидеть по крайней мере иллюминированные здания железной дороги. Но только месяц и звезды светили над опустевшей площадью, – впрочем... едва ли могло быть какое-нибудь более приличное освещение для одного из величайших и полезнейших произведений ума человеческого. На другой день поезд для той же цели отправился в Рославль, затем, после возвращения его в Смоленск, открыт для всех свободный проезд по железной дороге, начиная от Рославля до Витебска, а оттуда до Петербурга».

Хотя, кому какое дело до простых смоленских обывателей? Главное – с хлеб-солью не опростоволоситься.

* * *

Место было, в общем-то, не самое уютное. Сутолока, шум и всяческая антисанитарная торговля. Взрослые бродяги, дети-беспризорники. Любопытно было описание вокзала (да и всей дороги), данное Иваном Буниным в повести «Лица»: «Следующую ночь я проводил уже в вагоне, в голем купе третьего класса. Был совсем один, даже немного боязно было. Слабый свет фонаря печально дрожал, качался по деревянным лавкам. Я стоял возле черного окна, из невидимых отверстий которого остро и свежо дуло, и, загородив лицо от света руками, напряженно вглядывался в ночь, в леса. Тысячи красных пчел неслись и развеивались там, иногда, вместе с зимней свежестью, пахло ладаном, горящими в паровозе дровами... О, как сказочно мрачна, строга и величава была эта лесная ночь! Бесконечная, узкая, глубокая просека лесного пути, великие, темные призраки вековых сосен тесным, дремучим строем шли

вдоль него. Светлые четырехугольники окон косо бежали по белым сугробам у подножия леса, иногда мелькал телеграфный столб, – выше и дальше все тонуло во тьме и в тайне.

Утром было внезапное, бодрое пробуждение: все светло, спокойно, поезд стоит – уже Смоленск, большой вокзал. Я выскочил из вагона, жадно глотнул чистого воздуха... У дверей вокзала толпился возле чего-то народ: я подбежал – это лежал убитый на охоте дикий кабан, грубый, огромный, могучий, закоченевший и промерзший, страшно жесткий даже на вид, весь торчащий серыми длинными иглами густой щетины, пересыпанной сухим снегом, со свинными глазками, с двумя крепко закушенными белыми клыками. «Остаться?» – подумал я. – «Нет, дальше, в Витебск»».

* * *

После революции вокзал и прилегающая к нему площадь стали еще хуже. Беспорядков сделалось больше раз, примерно, в десять, как и всевозможного хулиганья. Правда, со съестной торговлей ситуация немножко выправилась – не хватало в стране продовольствия. Зато, как и до революции, через Смоленск на Запад следовали войска. Разве что война была уже другая – не Первая мировая, а гражданская. И солдат пошел уже не тот.

В 1921 году здесь, например, торжественно встречали Тухачевского. Один из студентов Смоленского милитаризованного государственного политехнического института (некоторое время в городе существовало это странное образовательное учреждение) вспоминал: «Явились мы сюда прямо с занятий, с книгами под мышками и за поясами, с рейсшинами и свертками ватмана. С точки зрения даже самого снисходительного строевика студенческие ряды выглядели, прямо скажу, не блестяще. На большинстве студентов красноармейские шинели висели, как юбки.

Показался украшенный зеленью и флагами паровоз. Грянул оркестр. Высадившихся из теплушек курсантов встретило громовое «ура!». Под звуки марша они направились к выходу. Впереди шли особо отличившиеся при штурме Кронштадта с приколотыми к шинелям новенькими орденами Красного знамени. Во главе колонны – М. Н. Тухачевский.

Он окинул веселым взглядом нестройные ряды СПИ и довольно громко спросил:

– Что за шотландские стрелки?

С тех пор это прозвище так и прилипло к нам».

* * *

Ближе к тридцатым ситуация несколько изменилась. Стало почище, попрстойнее, без кабанов. И, если раньше взрослые дяди и тети гоняли малолеток-шелупонь, то теперь все сделалось наоборот. К депо прикрепили Смоленский железнодорожный пионерский отряд №73. И подростки-вожатые время от времени рапортовали: «Главная работа звеньев этого отряда на производстве заключается в следующем – звено №1 Шиленко Коли взяло шефство над красным уголком депо. Во время обеденного перерыва ходят, читают газеты, следят, чтобы газеты были на месте.

Звено №3 Сапина ведет борьбу с прогульщиками. Однажды сторож депо явился пьяный, ребята сразу узнали, наклеили листовки – «Позор пьянице Миневу». После этого рабочие устроили над ним общественный суд. Группа пионеров, с привлечением неорганизованных, во время обеденного перерыва выступала с «Синей блузой», рабочие остались очень довольны. Бригада из 4-х человек была в столовой, смотрела за чистотой. Найденные недостатки передала в стенгазету депо... 18 пионеров заключили соцдоговоры со своими родителями».

Где это видано – чтоб яйца курицу учили! Да не только учили – еще и устраивали во взрослом мире свои детские порядки. Листовки наклеивали. Соцдоговоры заключали.

Не удивительно, что в скором времени железнодорожники Смоленска сбросили с себя ярмо передовых отрядов пионерии.

* * *

Неподалеку от вокзала расположена бывшая Рыночная площадь. Она сформировалась в середине восемнадцатого века, после того как здесь произошел крупный пожар. Уничтоженные здания решили не восстанавливать, и устроили площадь с рядами. А по ходатайству губернатора здесь в скором времени начала действовать знаменитая зимняя Никольская ярмарка.

Торговали здесь по большей части незатейливым товаром. Сено, зерно, дрова, овощи, дичь. Впрочем, случался и импортный товар. Историк И. Шупинский сообщал: «Смоленские купцы торгуют в лавках иностранными товарами, как то: бархатом, сукнами, шелковыми и золотыми материалами и галантерейными вещами, кои привозят из Гданьска и Лейпцига; разными российскими товарами, кои получают из Санкт-Петербурга и Москвы. А из Смоленска отпускают через Поречскую пристань водою в Ригу: пеньку, табак, разный хлеб, конопляное масло, семя льняное и сало».

А «специалитетным» лакомством считались сутокские коврижки, производимые в селе Сутоки Духовищинского района Смоленской губернии.

Престиж этих коврижек был высок необычайно. Сам шталмейстер царского двора Л. А. Нарышкин слал заказы в Сутоки: «Все присланные вами коврижки разошлись на домашнем потчиванье, а потому, чтобы быть позапасливее, прошу вас заготовить тысячу коврижек с моим гербом, которого я прилагаю рисунок. Из этой тысячи уделю двадцать Г. Р. Державину за его хорошие стихи. Он большой лакомка, а вас отблагодарит своею поэзиею».

Коврижки и вправду дошли до Державина. Только не оправдал он надежд господина Нарышкина, не поблагодарил в стихах сутокских хлебопеков. Разве что обмолвился однажды:

Дележ у нас святое дело,
Делимся всем, что Бог послал;
Мне ж кстати лакомство поспело:
Тогда Фелицу я писал.

Только разве это благодарность? Скорее похвальба.

Кстати, в торговую жизнь города Смоленска в 1918 году полностью погрузился поэт из Белоруссии Янка Купала. Он был назначен сюда «земгусаром» – агентом по обеспечению красноармейцев.

* * *

А восточнее Рыночной площади, на Покровской горе, высилось здание Земской больницы. Пользовали здесь в первую очередь, конечно, бедняков. Потому многие из них стремились всяческими правдами и неправдами оказаться среди пациентов. Еще бы! В 6 часов утра – вполне приличный завтрак. В 12 часов – обед. В 3 часа дня – так называемый «второй чай». В 7 часов вечера – ужин. Без разносолов, разумеется. Суп, молоко, каша, мясо, селедка, курица, яйца, сало, картошка, кисель и к чаю сахар. Однако, большинство из обитателей больницы в своей «здоровой жизни» ни о чем подобном даже не мечтали. Здесь же отдельный штат («повар, его помощник, кастрюльник и судомойка») обеспечивал страждущим бесперебойный цикл питания.

Плюс совсем диковинные для простого бедняка гигиенические радости. «Вступная ванна» при поступлении, теплые туалетные комнаты, смена постельного белья дважды в неделю.

А подушки перьевые! Одеяла шерстяные!
Словом, санаторий.

Сам губернатор инспектировал это лечебное учреждение. А после писал отношение в земство: «Пища и хлеб больных найдены мною изготовленными вполне удовлетворительно, из продуктов свежих и доброкачественных.

Больничные камеры содержатся чисто и опрятно, но воздух, как во всех камерах, так и в коридорах до того поразительно дурной, что не только губительно действует, как заявил мне старший врач больницы, на здоровье больных, в особенности одержимых тифом и другими острыми болезнями, но даже и на прислугу, так что из последней, несмотря на все принимаемые предосторожности, еженедельно заболевает по несколько человек.

Один уже обход больничных камер вполне ясно убеждает, что дурной воздух в них происходит не столько от недостатка вентиляции, сколько от далеко недостаточного количества и дурного качества как носимого больными, так и постельного их белья. Первое из них нашел я более чем наполовину ветхим и пропитанным едкими веществами; второе, постынь, наволочек и одеял байковых и канифасных, – в малом количестве, да и то большей частью изодранными; тюфяки – грязными, и, от огромных на них едких пятен, провонявшими».

Но это мнение изнеженного господина. А бедняку в больнице все равно был рай.

* * *

Поблизости располагался и культурный центр для бедных жителей Смоленска – так называемый Народный дом. Программа в нем была вполне достойная. В частности, в 1904 году «Днепровский вестник» соблазнял смоленских обывателей: «Во вторник, 13 января, бенефис артистки А. К. Колосовой, на сцене Народного дома поставлена классическая трагедия Шекспира „Ромео и Джульетта“».

Случались и такие объявления: «Сегодня в Народном доме состоится чтение со световыми картинками. Прочитано будет: „Где на Руси какой народ живет и чем промышляет“. Самоеды соч. Александрова. Начало в 2 ч. дня. Вход бесплатный».

Репертуар учреждения отличался такой широтой неспроста: ведь главная задача перед этими домами ставилась по всей стране одна – если и не покончить с пьянством, то, во всяком случае, хотя бы его уменьшить. Как-нибудь кого-нибудь, пусть и не надолго, но отвлечь от бутылки.

Естественно, что в этом благородном деле все средства хороши.

Правда, обратной стороной была другая, революционная чума. Трезвенники, начитавшись Маркса и других подобных авторов, устраивали при Народных домах свои развлечения. Смоленский не стал исключением. И. Соколов-Микитов вспоминал: «В городе происходили революционные демонстрации. Отчетливо помню возникшее в душе чувство восторга, слияния с людьми, когда первый раз шел из Народного дома в революционной демонстрации молодежи под звуки песен, как бы вырывавшихся из общей груди».

Будущий писатель явно был не одинок.

* * *

Сама же Большая Советская улица берет свое начало от моста через реку Днепр и крепостной стены. Мост этот – самый главный, связывающий центральную часть города с заречьем. При отходе немцев из Смоленска он был взорван. Один из современников тогда писал: «Центр города и его заднепровскую часть связывает только паром. Размером этот паром с широкие ворота, а водит паром, перебирая руками трос, сапер Александр Курочкин. Весь день он бродил с миноискателем, нашел больше десятка мин, а к ночи превратился в паромщика».

На пароме совсем светло. По соседству догорает подожженный немцами деревянный мост, а за ним виднеется рваный профиль изорванного каменного моста».

Впрочем, вскоре мост восстановили.

В 1812 году, перед нашествием Наполеона, стало ясно, что нужна еще одна надежная и крепкая переправа через Днепр. Но невозможно навести ее так быстро, ведь Бонапарт уже практически под городскими стенами? Оказалось, возможно. Один из современников писал:

«Быстрина и глубина реки... препятствовала строить мост обыкновенным образом. Собрав тотчас же крестьян соловьевских и других деревень, Глинка объяснил им настоятельную нужду в построении плавучих мостов и прибавил, что кроме леса для сего необходимо большое количество железа, чтобы надежно укрепить середину мостов. Усердный сотский Соловьева, по прозванию Масей, сказал: «С помощью Божьей справимся и исполним приказание. У нас по деревьям лежат якоря, которые по сказкам наших дедов служили в прошлые века Литве для переправленных мостов через Днепр. Тотчас соберем все, что надо для мостов: помним любовь твоего родителя, помним твою любовь и рады с тобою трудиться...». Тотчас же свезены были бревна и вековые якоря, началась работа. Я сам очевидцем был оной, видел, как ревностный дворянин и дни и ночи сам лично все распорядил, все учредил. В двое суток поспело два моста и утвердились с помощью якорей... тогда раздался восхитительный крик: «Ступайте с Богом, мосты готовы». Слова сии повторялись тысячами голосов и отзывались в тысячи сердцах. Немедленно с одной стороны двинулись с продовольствием для войск, с другой – подводы с ранеными и бесчисленные обозы. Из всех карет, колясок, повозок кланялись матери, дочери, все сердечными словами благодарили соорудителя переправы».

В войну река гораздо больше, чем река, а мост больше, чем мост.

А поэт В. Луговской воспел смоленский Днепр в стихотворении «Ночной патруль»:

Всем людям я
звезду несусь,
пяти материкам.
Недвижен Днепр,
синеет Днепр —
славянская река.
И невысоко
над Днепром,
где стонут провода,
Другая
блещет хрусталем
холодная звезда.

На Днепр была нанизана и революционная история Смоленщины.

А на левом берегу Днепра разбит вполне пристойный парк. Появился он сравнительно недавно – еще перед Великой Отечественной путеводитель по городу с прискорбием извещал, что это место представляет собой «безотрадную картину» и сетовал, мол, деревья почти все погибли, всюду грязь и запустение.

* * *

Большая Советская улица (в прошлом – Большая Благовещенская) – главная в Смоленске. Так обстоят дела сегодня, так обстояли они и до революции. Именно здесь были сосредоточены самые затейливые магазины, самые изысканные рестораны и самые красивые дома. Газеты неустанно изумляли горожан чудесами этой улицы.

«Склад фотографических принадлежностей Л. Н. Соколова. Большая Благовещенская улица, дом Лизункова. Получен из-за границы большой выбор фотографических аппаратов новейших конструкций; единственная продажа и представительство бумаги „М“. Иллюстрированный прейскурант бесплатно».

Как тут не соблазниться – не купить новенький «Кодак» (самая в то время популярная в России модель фотоаппарата), к нему – тонну бумаги, пластинок и химреактивов. И немедленно – фотографировать свое семейство на фоне Днепра, чтобы небо закатное, и вместе с кошкой!

В самом начале улицы, слева, на холмике высится памятник Кутузову – национальному герою России, и Смоленска в особенности. Некогда здесь располагалось «Большое кружало» – одно из первых в городе питейных заведений. Затем тут понастроили простые двухэтажные домишки, среди которых выделялись две своего рода достопримечательности – кинотеатр «Палас» (опять-таки, один из первых в городе) и магазин с гордым названием «ГУМ». Все это, увы, было разрушено в войну. А восстанавливать застройку этой части улицы не стали – ограничились холмом и памятником.

* * *

Рядом с памятником одна из самых известных достопримечательностей – кафедральный Успенский собор. Все началось в 1101 году, когда Владимир Мономах на этом месте «заложил церковь в Смоленске, святое Богородице камяну епискупию». Это, кстати, первое каменное здание Смоленска.

Простоял собор Успения Богоматери до 1611 года, до того самого момента, когда в город вошли польские интервенты. После чего был взорван, причем, по преданию, самими обывателями. Н. Карамзин писал об этом: «Сию стену беспрестанною пальбою обрушили – и в полночь Ляхи вломились в крепость, тут и в других местах, оставленных малочисленными Россиянами для защиты пролома. Бились долго в развалинах, на стенах, в улицах, при звуке всех колоколов и святом пении в церквах, где жены и старцы молились. Ляхи, везде одолевая, стремились к главному храму Богоматери, где заперлися многие из граждан и купцов с их семействами, богатством и пороховою казною. Уже не было спасения: россияне зажгли порох и взлетели на воздух с детьми, имением – и славою! От страшного взрыва, грома и треска неприятель оцепенел, забыв на время свою победу и с равным ужасом видя весь город в огне, в который жители бросали все, что имели драгоценного, и сами с женами бросались, чтобы оставить неприятелю только пепел, а любезному отечеству пример добродетели. На улицах и площадях лежали груды тел сожженных. Смоленск явился новым Сагунтом, и не Польша, но Россия могла торжествовать сей день, великий в ее летописях».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.